

Ю. В. Бромлей

ЭТНОС И ЭНДОГАМИЯ

Этнос вообще и отдельные его типы в частности в нашей научной литературе обычно определяются как совокупность различных общностей: территориальной, языковой, культурной и т. д. Если основные из этих составляющих этнос общностей — язык и особенно культуру — представить пространственно, то во многих случаях обнаружится явное несовпадение границ их распространения. Об этом, в частности, весьма наглядно свидетельствуют историко-этнографические атласы. Достаточно, скажем, самого беглого знакомства с картографическими материалами атласа «Русские», чтобы убедиться в несовпадении в ряде случаев ареалов распространения отдельных компонентов традиционных форм материальной культуры русского населения.

Все это довольно хорошо известно. Но отсюда неизбежно возникает вопрос: каким образом отдельные пространственно несовпадающие элементы интегрируются в одно целое — этническую общность, этнос, народ?

Нередко, отвечая на этот вопрос, в качестве интегратора основных компонентов этноса — народа называют этническое самосознание. Действительно, оно как бы фокусирует отдельные этнические свойства, объединяя их в целостность. Однако эта интеграция происходит в сфере сознания. Между тем этносы как определенные целостности существуют объективно, вне сознания.

Отсюда, в свою очередь, встает вопрос: каков же объективный механизм этнической интеграции?

Некоторый свет на этот вопрос, на наш взгляд, может пролить разработка гипотезы, согласно которой неперенным свойством этнических общностей в устойчивом, т. е. типичном для них состоянии, является эндогамия в широком смысле слова, т. е. понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей общности¹. Эта гипотеза в связи с вопросом о механизме интеграции этнических общностей, насколько нам известно, еще не привлекла внимания исследователей. Более того, хотя сама гипотеза о взаимозависимости между эндогамностью общностей и их устойчивостью уже выдвигалась ранее², однако она нуждается в обосновании конкретными данными, ибо без этого остается всего лишь предположением. С такого обоснования, очевидно, и следует начать рассмотрение интересующей нас проблемы.

Что касается основных этнических ячеек первобытного общества — племен, то их эндогамность, кажется, общепризнана. И это признание не могут поколебать ссылки на отдельные случаи адаптации родопле-

¹ В узко специальной трактовке эндогамия — обычай, запрещающий заключение браков за пределами данной общественной группы.

² В частности, наше внимание к ней привлекло одно устное выступление К. В. Чистова.

менными организациями иноплеменников и на межплеменные браки³, ибо хорошо известно, что в общественной жизни (как и в природе) ни одно явление не выступает в чистом виде. Тенденция к преимущественному заключению браков внутри своей общности прослеживается и в раннеклассовых обществах. К примеру, в Афинах при Перикле (V в. до н. э.) запрещение заключать браки с «варварами» было оформлено в виде специального закона⁴.

Но если представление об эндогамности сравнительно небольших этнических общностей, в первую очередь племен, звучит довольно привычно, то тезис о брачной замкнутости крупных этносов, таких как, например, современные нации, может показаться достаточно неожиданным. Стало быть, он нуждается в специальной проверке. А это представляется вполне возможным, ибо для современных этносов в ряде случаев мы располагаем данными, позволяющими замерить соотношения внутриэтнических и межэтнических браков.

В интересующей нас связи, очевидно, особенно показательны статистические материалы, относящиеся к регионам, где процессы этнического смешения протекают сравнительно интенсивно.

Один из таких регионов представляет Югославия — многонациональная страна, населенная близкими по языку и культуре народами. Согласно югославской статистике, у славянских народов страны в 1961 г. однонациональные браки на территории их основного расселения составляли в среднем от 87% (мужчины-черногорцы в Черногории) до 97,3% (мужчины-словенцы в Словении) всех заключенных браков⁵.

Примером другого региона со смешанным в национальном отношении населением может служить Северный Кавказ. Для этого региона мы располагаем материалами, относящимися к 1963 г. Они свидетельствуют, что карачаевцы заключают в среднем около 95% однонациональных браков, осетины — около 94%, адыгейцы — около 93%, черкесо-абазинская группа, консолидирующаяся в одну народность, а также ногайцы — около 90%⁶.

В регионах, где процессы этнического смешения менее интенсивны, удельный вес однонациональных браков, естественно, еще более значителен. Так, в 1925 г. мужчины-русские на территории Европейской части РСФСР заключили 99,1% однонациональных браков, мужчины-белорусы в БССР — 98%, мужчины-украинцы в УССР — 96,9%, мужчины-татары и мужчины-башкиры в РСФСР — 97,9%, мужчины-марийцы в РСФСР — 97,5% и т. д.⁷.

Одним словом, в современных условиях этносы обычно по крайней мере на 90% эндогамны. А этот факт сам по себе весьма показателен, поскольку нарушение эндогамии в пределах 10%, как правило, не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными и при том немедленными последствиями⁸.

³ Так, специальное обследование показало, что у аборигенов Австралии браки, заключаемые между племенами, составляли в среднем 15% (N. B. Tindale, *Tribal and inter-tribal marriage among the Australian aborigenes*, «Human Biology», 1953, vol. 25, pp. 169—190).

⁴ В. И. Козлов, *Динамика численности населения*, М., 1969, стр. 315.

⁵ «Demografska statistika za 1961», Beograd, 1964.

⁶ Я. С. Смирнова, *Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии*, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 140; сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968, стр. 290.

⁷ «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», М., 1930, стр. 41.

⁸ Насколько значительными для данного этноса окажутся последствия этих 10% смешанных браков, зависит прежде всего от того, какая доля детей, рожденных в таких браках, сохранит принадлежность к нему. Но даже если допустить, что все эти дети будут причислены к другой этнической общности, то при условии 10% межэтнических браков и при «простом» воспроизводстве потомства для сокращения данного этноса наполовину потребуется не менее 5—6 поколений, т. е. по крайней мере лет

В то же время существенным подтверждением важной роли эндогамии в сохранении устойчивости этноса может служить то обстоятельство, что значительное нарушение эндогамии неизбежно влечет за собой в конечном счете коренную его модификацию (вплоть до полного исчезновения). Ведь общеизвестно, что как раз смешанные браки являются одним из основных инструментов формирования новых этносов на основе синтеза двух или нескольких этнических общностей. При этом, с одной стороны, происходит как бы прорыв эндогамности каждой из синтезирующихся общностей, с другой — они вместе как бы охватываются новым эндогамным кругом. Так, уже упоминавшийся процесс консолидации абазин и черкесов в одну народность получил, в частности, выражение в том, что в 1963 г. смешанные браки между ними достигли 26,8% (абазины с черкешенками)⁹; в целом же черкесско-абазинская группа, как уже говорилось, заключила с представителями других народов не более 10% всех браков.

Еще более наглядны материалы, относящиеся к лесным энцам, которые давно начали сливаться с местными ненцами, причем процесс этот имел двусторонний характер. К настоящему времени энцы в большинстве своем усвоили ненецкую материальную культуру, а ненцы восприняли их язык¹⁰. Между тем, по наблюдениям Б. О. Долгих, уже в конце 20-х годов более 60% жен энцев составляли ненки и, наоборот, около 70% жен ненцев — энки. При этом существенно, что в своей совокупности браки мужчин ненцев с представителями других национальностей (тунгусами и русскими) не превысили 4% всех заключенных ими браков¹¹.

100—150. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что уже в случае, если 50% детей, рожденных в смешанных браках, сохраняя принадлежность к данному этносу, то при «простом» воспроизводстве потомства заключение таких браков не отразится на численности данного этноса (объясняется это тем, что при межэтнических браках их число для данного этноса как бы удваивается: так, если 50 мужчин и 50 женщин данного этноса могут заключить лишь 50 «гомознических» браков, то с представителями других этнических групп они же могут заключить 100 браков). Поэтому же, если, например, 75% детей, рожденных в смешанном браке, будет постоянно выбывать из данного этноса, то при 10% таких браков потребуется для его сокращения наполовину смена не менее 10 поколений.

При строгом соблюдении определенной локальности браков (матрилокальности или патрилокальности), дети, рожденные в смешанных браках, скорее всего окажутся почти поровну поделенными между соответствующими этносами, стало быть, в этом случае межэтнические браки не могут сколько-нибудь заметно повлиять на величину этносов.

Следует также иметь в виду, что из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, в результате таких браков обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют собранные (под руководством Л. Н. Терентьевой) группой сотрудников Института этнографии АН СССР в столицах Прибалтийских республик материалы об определении национальной принадлежности по достижении шестнадцатилетнего возраста лицами, рожденными в национально-смешанных браках. Из этих материалов, относящихся к 1960—1968 гг., следует: 1) национально-смешанные браки представителей коренной национальности не превышают 10% всех заключенных ими браков (от 4,6% в Таллине, до 7,4% в Риге), 2) свыше 50% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей — представитель основной для соответствующей республики национальности, избирали национальность именно этого родителя (в Вильнюсе — 52%; в Риге — 57%; в Таллине — 62%), 3) более 60% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей русский (т. е. представитель второй по численности национальности), а другой — представитель остальных не основных для данной республики национальностей (украинец, белорус, поляк, еврей), определились как русские (например, в Риге: в русско-украинских семьях — 74,7%; в русско-белорусских — 80,5%; в русско-польских — 75,0%; русско-еврейских — 93,3%). См.: Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 20—30.

⁹ Я. С. Смирнова, Указ. раб., стр. 140.

¹⁰ «Народы Сибири», М. — Л., 1956, стр. 140.

¹¹ Б. О. Долгих, Родовая эндогамия у нганасан и энцев, «Сибирский этнографический сборник», IV, ТИЭ, т. LXXVIII, М., 1962, стр. 222.

О роли прорыва эндогамии в формировании новых этнических общностей наглядно свидетельствуют также материалы по истории образования народностей в раннесредневековой Западной Европе. Из них следует, что заметные сдвиги в процессе образования этих народностей сопровождались в VII—VIII вв. во всех варварских королевствах отменой запретов на заключение смешанных браков¹². Еще одной не менее яркой иллюстрацией могут служить этно-расовые смешения в Латинской Америке, сыгравшие здесь огромную роль в формировании большинства современных наций. Так, в Бразилии в результате заключения межрасовых браков менее чем за 100 лет (с 1819 г. по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (главным образом мулатов) возрос с 20% до 60% общей численности жителей¹³.

О значении эндогамии в жизни этнических общностей свидетельствуют и процессы этнической ассимиляции. Весьма характерно, например, что именно брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов». Ведь обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни и, как правило, лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную этническую адаптацию.

Весьма показательно также, что при этнической ассимиляции в массовых масштабах удельный вес смешанных браков у поглощаемого этноса обычно значительно выше, чем у этноса, выступающего в роли ассимилятора. Иными словами, этнос-ассимилятор почти сохраняет эндогамию¹⁴.

Приведенные материалы, очевидно, позволяют прежде всего констатировать, что прорыв эндогамии того или иного этноса обычно сопровождается либо включением данного этноса в эндогамную систему той этнической общности, которая выступает его основным брачным партнером, либо возникновением нового, более широкого эндогамного круга, как бы объединяющего два взаимосвязанных брачными отношениями этноса. Вместе с тем, из сказанного также следует, что если, с одной стороны, эндогамия оказывается присущей этносу с момента его зарождения, то, с другой, — значительное нарушение эндогамии этноса — предвестник его разрушения¹⁵.

Таким образом, тесная взаимосвязь эндогамии и этноса, очевидно, не подлежит сомнению.

Но самой по себе констатации такой взаимосвязи, разумеется, еще недостаточно для ответа на поставленный выше вопрос о значении эндогамии для интеграции этнических общностей.

Для ответа на данный вопрос особенно существенно, на наш взгляд, уяснить роль эндогамии в «вычленении» целостных этнических комплексов из различных пространственно сопряженных, но не вполне совпадающих общностей (как языковой общности, так и общностей, образуемых отдельными сферами материальной и духовной культуры). С этой целью надлежит прежде всего обратиться к рассмотрению факторов, образующих границы эндогамии.

В качестве таких факторов могут выступать как природные, так и общественные явления. В первом случае роль изолирующего фактора выполняют горы, леса, реки, пустыни и тому подобные естественные

¹² См. А. Р. Корсунский, Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе, сб. «Средние века», вып. 31, М., 1968, стр. 128.

¹³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 350—351.

¹⁴ Это обусловлено прежде всего тем, что в такой роли, как правило, выступают более многочисленные этносы.

¹⁵ Однако и при сохранении этносом эндогамии не исключена возможность коренной его модификации, включая появление нового этнического самосознания.

преграды, а также просто отдаленность одного этноса от другого. Эти естественные рубежи особенно существенное значение имели на ранних этапах истории общества¹⁶. С увеличением плотности населения и развитием средств связи их значение постепенно снижалось. Что касается общественных этноизолирующих факторов, то одним из них в данном отношении постоянно принадлежала существенная роль, у других — она не оставалась неизменной. К числу первых, конечно, следует отнести прежде всего язык, издревле выступающий серьезной помехой для межэтнических браков. Не случайно двуязычие населения, снимая этот барьер, существенно облегчает заключение таких браков.

Из общественных факторов, играющих на разных исторических этапах далеко не одинаковую роль в установлении эндогамных барьеров, в первую очередь необходимо назвать государственно-политические границы. Со временем их фиксация становится более четкой, а охрана более совершенной, вследствие чего они превращаются в существенное препятствие для заключения браков между разделенными ими населением. Впрочем, если на процессы образования этносов политические, как и природные рубежи, могут оказать немалое влияние, то на уже сложившиеся этносы воздействие этих «внешних» по отношению к ним факторов обычно сказывается далеко не сразу¹⁷.

Среди же «внутриэтнических» факторов, помимо языка, очень существенную роль в формировании границы эндогамии может играть религия. Определенное влияние на эндогамность этноса могут оказывать также самые различные сферы общественной жизни: те или иные элементы культуры и быта, обряды, обычаи (особенно эндогамные ограничения и запреты), законодательство, стереотипы поведения, внешний облик (в том числе расовые различия), представления о красоте и т. п. Несомненно, особенно важно в интересующем нас отношении значение этнического сознания, в том числе самоопределения этнической принадлежности. Важную роль также играет государственно-политическая принадлежность — гражданство (подданство), подчас совпадающее с этнической принадлежностью.

Обычно если не все, то по крайней мере многие из указанных факторов в своей совокупности и создают эндогамный барьер каждого этноса, отделяющий его от других этносов. При этом на одном из рубежей, в одной зоне соприкосновения данного этноса с другим в качестве основного барьера может выступать язык, на втором этническом рубеже того же этноса — религия, на третьем — государственная граница и т. д.¹⁸. В целом же все эти факторы образуют как бы замкнутый круг. И чем большее число их одновременно составляет эндогамную границу, тем, разумеется, она резче.

Действие эндогамии как своеобразного «стабилизатора» этноса связано с тем, что замкнутость круга брачных связей обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава. Между тем, как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи традиционной культурной информации (как и овестьствованных результатов ее реализации в прошлом). В результате, сохраняя этническую однородность семей внутри этноса, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для него специфики культуры. При этом эндогамия одновременно выступа-

¹⁶ См. П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XV, М., 1951, стр. 21.

¹⁷ Показательно, что при рассечении этноса политической границей обе его части обычно образуют отдельные замкнутые в брачном отношении единицы, т. е. как бы регенерируют эндогамный барьер.

¹⁸ Например, хорваты в Австро-Венгрии были отграничены от венгров и немцев преимущественно языковым барьером, от сербов — религиозным и государственным.

ет как фактор культурного обособления данного этноса от других этносов.

Однако значение эндогамии для сохранения устойчивости этноса не сводится лишь к простому воспроизводству этнической специфики и оградительной функции. Она оказывает также внутреннее интегрирующее воздействие на составляющие этнос компоненты. Заключение из поколения в поколение браков в пределах замкнутой в брачном отношении общности людей неизбежно влечет за собой усиление единообразия в самых различных сферах ее культуры.

Наконец еще одно важное последствие эндогамии для этноса. Она выступает в качестве его своеобразного генетического барьера. А это, в свою очередь, придает этносу характер популяции. Ведь популяция, как известно, представляет основную единицу генетики¹⁹.

Степень воздействия генетического барьера на популяцию во многом зависит от ее величины. И, разумеется, в малых популяциях оно играет особенно заметную роль. По наблюдениям В. В. Бунака, количественный предел такой малой популяции, обычно обозначаемой термином «дем», составляет 4—5 тыс. человек²⁰. Возможно, эту количественную грань не следует абсолютизировать. Но так или иначе, весьма показательно, что дальнейшее увеличение численности ведет либо к разделению дема на обособленные малые демы, либо к превращению вместе со смежными демами в фрагменты одного большого дема.

Стало быть, большая популяция не обладает возможностью свободного равновесного во всех направлениях скрещивания ее членов. И все же в этносах, представляющих такие популяции, прослеживается воздействие генетического барьера; при этом оно становится тем ощутимее, чем больше сменяется поколений. Пожалуй, особенно показательны в данном отношении уже приводившиеся выше материалы об этно-расовом смешении в странах Латинской Америки.

Таким образом, в силу эндогамии, создающей генетический барьер, этнос нередко в той или иной степени выполняет одну из функций биологической единицы. Обращая внимание на это обстоятельство, необходимо, однако, сразу же подчеркнуть неправомерность попыток рассматривать популяцию как сущность и первооснову этноса²¹. Нельзя забывать, что этнос выполняет функции популяции лишь благодаря своей эндогамности, которая, как мы выше убедились, сама — явление производное от многих факторов, обычно в первую очередь социального характера. К тому же следует учитывать, что далеко не всегда эндогамия и генетический барьер полностью совпадают: они могут быть всего лишь в большей или меньшей мере сопряжены друг с другом²².

Значительная роль эндогамии в формировании и стабильном функционировании этнических общностей неизбежно выдвигает вопрос: не является ли она вообще их характерной чертой?

¹⁹ Согласно одному из определений, генетическая популяция представляет собой «репродуктивное сообщество разнополых и перекрестно оплодотворяющихся особей, обладающих неким общим генофондом» (Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Таннер, Н. Барникот, Биология человека, М., 1968, стр. 131).

²⁰ См. В. В. Бунака, Der Verwandtschaftsgrad der Bevölkerung kleiner ländlicher Gemeinden, «Acta Geneticae, Medicae et Gemellologiae», vol. XIV № 2, Aprilis, 1965, S. 174—180; В. В. Бунака, The evolution of the elementary unit of population (dem) and its anthropological significance, М., 1968, p. 1; В. В. Бунака, Комментарии. В кн. Дж. Харрисон и др. Указ. раб., стр. 163.

²¹ См. Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 14—15.

²² Наглядным примером этого могут служить негры США, обладающие высокой степенью эндогамности, поскольку смешанные в расовом отношении семьи представляют очень редкое явление (официальные браки между неграми и белыми — исключение), и в то же время слабо изолированные в генетическом отношении, о чем свидетельствует высокий процент метисов.

Для ответа на этот вопрос, очевидно, прежде всего следует выяснить, представляет ли эндогамия обязательное свойство каких-либо иных социальных общностей?

Вопрос этот имеет под собой определенное основание. Ведь известно, что помимо этносов и в некоторых других социальных общностях можно наблюдать преобладание внутригрупповых браков. Более того, подчас такое преобладание имеет характер почти полной эндогамии. Среди социально-классовых групп одной из наиболее ярких иллюстраций этого может служить эндогамия индийских каст. Эндогамией обычно обладают и конфессиональные общности, поскольку почти все религии относятся негативно к бракам с инаковерующими. Это характерно как для мировых религий, так и для отдельных вероисповеданий и религиозных сект (например, мусульман суннитов, сикхов, старообрядцев и т. д.). Впрочем, как правило, у каждой социальной общности, обладающей устойчивой эндогамией, обнаруживаются те или иные этнические черты²³. Даже классы, а тем более сословия в тех случаях, когда они в большей или меньшей степени эндогамны, приобретают некоторые этнические свойства. В этой связи вспоминается ленинское указание о том, что при капитализме «есть две нации» в каждой нации²⁴.

В то же время существенно подчеркнуть, что в отличие от этносов для всех остальных социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) эндогамия в большинстве случаев вообще не характерна и, следовательно, она не может рассматриваться как их неперменный признак.

Что касается территориальных общностей (в первую очередь поселений), то почти для каждой из них характерен значительный удельный вес унилокальных браков (кроме, конечно, экзогамных общностей). И в этом смысле все они могут рассматриваться как популяции. Однако у большинства этих популяций степень эндогамности обычно все же невелика. Это особенно ярко проявляется в наши дни, когда резко возросли межтерриториальные контакты. Но и в прошлом, как правило, значительная часть брачных связей охватывала жителей нескольких соседних поселений²⁵, создавая своеобразную брачную непрерывность.

Исключение представляют, с одной стороны, так называемые изоляты — малые популяции²⁶, с другой — такие крупные популяции, как этносы-народы. Как и для последних, для изолятов характерна высокая степень эндогамной замкнутости, составляющая обычно не менее 90% всех браков. При этом, если изоляты оказываются сравнительно устойчивыми, то они неизбежно приобретают определенные этнические свойства. В таком случае это как бы субэтноты основного этноса, представляющие или еще не до конца отделившиеся от него части, или остатки еще не полностью ассимилированной другой этнической группы. В такой роли могут выступать и территориальные изоляты (например, так называемые этнографические группы) и социальные изоляты (например, касты).

²³ При этом либо такого рода черты следствие ее эндогамии, либо сама эндогамия — результат того, что данная общность изначально представляла собой этнос.

²⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

²⁵ Так, по данным В. К. Жомовой, в конце XIX в. в одном из сел Подмосквы (село Угрюмово, Серпуховского уезда) лишь 20% браков заключалось в том же селе, а около 70% — в соседних селах, расположенных в радиусе 10 км (В. К. Жомова, Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1955, стр. 112). Правда, В. К. Жомова указывает примеры, когда унилокальность браков в одном селении достигала 80% (там же, стр. 111—113). Но, по ее собственному признанию, она обросила со счета все случаи, когда заключение брака с представителем другого селения сопровождалось переездом в него. Стало быть, в рассматриваемых примерах унилокальные браки составляли не 80%, а лишь около 2/3 всех браков.

²⁶ Изолятами обычно именуют небольшие популяции, не превышающие 1 тыс. чел. (См. Дж. Харрисон и др., Указ. раб., стр. 163).

Разумеется, и другие популяции, находящиеся в пределах этноса, могут рассматриваться в качестве его субструктурных подразделений, имеющих свою, хотя и слабо выраженную, специфику этнического характера. Этнос в этом смысле — явление иерархичное. Но интенсивность эндогамных границ этих внутренних субструктур неизмеримо слабее, чем у субэтносов-изолятов, а тем более у самого этноса. Именно этнос-народ в устойчивом состоянии обладает во всей иерархии эндогамных границ наиболее резкими рубежами, отчетливо отделяющими его от других подобных общностей, даже если он расположен чересполосно с ними.

Таким образом, из всех типов социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) наибольшей степенью замкнутости круга брачных связей обладают этносы. Следовательно, мы можем рассматривать эндогамию как характерную для этносов особенность.

Это наблюдение представляется тем более существенным, что все другие отличительные признаки этносов (территориальная, языковая, культурная общности) присущи большинству других видов социальных институтов.

Другими словами, мы получили существенный дополнительный ориентир для выделения этнических общностей.

Мы рассматриваем, однако, этот ориентир лишь в качестве дополнительного, поскольку он не столь самоочевиден, как большинство отличительных признаков этноса и для его установления необходимы, как правило, специальные обследования. К тому же ориентир этот не абсолютен, ибо он, во-первых, имеет силу лишь применительно к этносам, находящимся в типичном, т. е. устойчивом состоянии, во-вторых, характерен также для каст.

И тем не менее сама возможность использовать данные об эндогамии для выделения этнических единиц из других общностей людей представляется весьма существенной. Особенно она важна в спорных случаях. Так, например, этот критерий, на наш взгляд, позволяет решить давний спор — является ли основной этнической единицей первобытности род или племя — не в пользу экзогамного рода, а эндогамного племени.

SUMMARY

According to the author the actual process of ethnic integration may be understood by interrelating ethnic endogamy and the stability of ethnic communities. Significant departures from endogamy lead in the end to radical changes in the ethnic community. Endogamy boundaries may be determined both by geographical and by social factors; the role of the latter rises steadily with the approach to modern times. The endogamy boundary usually serves as a genetic barrier. That is why an ethnic community is at the same time an anthropological group. However this role of ethnic communities as anthropological groups is a secondary phenomenon derived to a great extent from social factors. In conclusion it is suggested that endogamy may be regarded as one of the indicators characterizing ethnic communities.